

Глава 2

Монашество

Скрытая радость Меинца прервалась. Его самодовольство сменилось стыдом. Во взгляде Доброго Поступка и других молодых монахов появилось удивление и презрение. Много учеников проводили четкую грань с испорченными одноклассниками, и только лишь Настоящий Ум «Фанчин» изумленно смотрел на позолоченную статую Будды, а его мысли блуждали где-то в облаках.

Меинц подсознательно обернулся на пол-оборота, чтобы посмотреть на стоявшего рядом Сюаньцзана, «Смог ли он разглядеть ключ к разгадке?»

Для Меинца стыд и уныние были пустяками, главной проблемой по-прежнему оставалось его перерождение в чужом теле!

Все лицо Сюаньцзана оставалось несчастным. В его глазах скрывалась депрессия. После того как он почувствовал на себе взгляд Меинца, то слегка покачал головой:

- Слава Будде, благодаря Сюаньку, брату-наставнику, принимаются правильные решения!

Он ни на что не намекал и говорил прямо.

Он подумал, что я смотрю на него, чтобы попросить о снисхождении...Меинц вздохнул с облегчением про себя и понял, что он прошел решающий момент.

Если только не покину это тело, и дядя с продолговатым лицом не придет, тогда меня точно не смогут раскусить! Если пройдет еще 10 лет, то все точно перестанут сомневаться. Ведь любой может забыть все, что происходило с ним в детстве.

По сравнению с этим выполнять разные поручения при школе абсолютный пустяк!

Как раз в этот момент выражение лица Меинца было таким же задумчивым, как у Настоящего Ума. Это дало понять Сюаньцзану, что Меинц не упал духом и не расстраивался.

После того как Сюаньку с широким лицом и большими ушами расспросил оставшихся мальчиков, Меинц и Настоящий Ум, в общем счете их было шестеро, остались выполнять разные поручения при школе, остальных детей определили в боевой монастырь.

Держа в правой руке линейку, он слегка ударил ей по своей левой ладони:

- Следуйте за мной постригаться в монахи, получать одеяние и буддийские сутры, в будущем нужно будет как следует преодолевать лишения, без этого не постичь прозрение. В школе Бодхидхармы буддийские каноны стоят на первом месте, а военные – на втором.

- Здесь еще и Бодхидхарма есть? – ошеломлен от удивления Меинц. Но Сюаньку не оставил ему времени для размышлений, он прошел мимо мальчиков и направился к выходу из зала.

Вокруг были одни незнакомцы. Меинц не осмеливался задавать вопросы. Он вплотную следовал за одетыми в желтую рясу монахами. Сюаньку с Сюаньцзаном повернули за усадебный дом.

- Вы вошли в школу неофициально. Но нужно поклониться Будде Шакьямуни, - Сюаньку указал на фетон внутри маленького молитвенного зала.

- Слушаюсь, Сюаньку, дядюшка-наставник, - откликнулись все вслед за Добрым Поступком. Затем один за другим встали на колени и поклонились позолоченной статуе Будде.

Дождавшись, пока каждый мальчик сделает поклон Будде, Сюаньку молитвенно сложил руки и торжественно поприветствовал изображение Будды:

- Слава Будде! – затем он подошел к одному мальчику и правой рукой погладил его по голове.

Иссиня-черные прямые волосы этого мальчика на глазах у Меинца высохли до желтизны и словно листья опали. Не прошло и двух вздохов, как этот мальчик превратился в настоящего монаха.

- Забудь о раздражении до конца, и мирская суета улетит далеко от тебя, сказал величественно Сюаньку. Эхо доброго голоса донеслось внутри чистого и спокойного молитвенного буддийского храма.

- Что это за боевое искусство? Так странно! – волновался и переживал Меинц. Потом я тоже смогу достигнуть такого военного мастерства?

Сюаньку подошел к каждому мальчику и убрал волосы. Из его уст доносились одни и те же слова.

Очередь дошла и до Меинца. Он наклонил голову и сказал про себя имена основателей буддизма и даосизма, затем с соболезнованием попрощался со своими волосами.

Массивная широкая ладонь мягко погладила макушку Меинца. Увядавшие и пересохшие волосы развеялись в воздухе перед его глазами. Печаль охватила его. Он сильно любил мирскую суету и никогда не думал, что уйдет от мира, обернувшись монахом.

«Забудь о раздражении до конца, и мирская суета улетит далеко от тебя».

Голос Сюаньку вдруг стал похож на звон колокола. Все тело Меинца вздрогнуло, а ум стал ясным и чистым.

Когда Сюаньку отошел, ясность и чистота постепенно проходили. Но вера Меинца по-прежнему оставалась твердой: в будущем нужно обязательно вернуться в мир!

После того как они поклонились перед изображением Будды, постриглись и оставили свои фамилии на блюде, Сюаньку попросил нескольких монахов взять мальчиков и отвести их во внутренний двор, чтобы каждый из них выбрал себе вещь – два комплекта серых буддийских халатов и две пары обуви, «Шаолиньские религиозные предписания», «12 мантр для утренних занятий» и т.д.

Подождем, пока вы повторите буквы в «школе религиозных и моральных наставлений», затем можно будет сразу читать и заучивать наизусть религиозные заповеди храма, небольшие утренние мантры. Но до этого я сначала расскажу вам об основных правилах монастыря: не оскорблять наставников, не пропускать занятия, не убивать живых существ, не пить алкоголь, не употреблять в пищу пряности, не предаваться вожделению – все эти главные заповеди Сюаньку повторил несколько раз и в заключение без шуток сказал:

- Нарушившего заповеди человека в лучшем случае накажут и отругают, а в худшем – выгонят из монастыря.

Он упомянул только лишь о двух видах наказаниях – о самом легком и о самом тяжелом. Еще были такие наказания, как тяжелые работы, перепись канонов, наказание палками, стоять, повернувшись лицом к стене.

Объяснив все заповеди, он вместе с Сюаньцзаном и молодым помощником монахом отправился во «Двор разных вещей».

- Внутри монастыря одетые в серые халаты монахи считаются обычными, если монах носит желтое одеяние, то это означает, что он управляет делами какого-нибудь двора, если у него на голове еще есть красная повязка и красная кэса, то он – настоятель обители, первый председатель какого-нибудь двора и старейшина... - на всем пути Сюаньку ни капли не расслаблялся и передал молодым монахам, Доброму Поступку и остальным мальчикам, вошедшим в «Боевой монастырь», завезенные извне «Общие представления о положении внутри монастыря», затем он снова замолчал.

Группа людей, чем больше продвигались вперед, тем сильнее они нагибались. Со всех сторон раскинулись зеленые ветви деревьев, буддийский храм был практически незаметен. Прошло немного времени, и Меинц заметил пеструю устаревшую усадьбу.

- Ой-ой, Сюаньку, братец-наставник, Сюаньцзан, старший братец-наставник, вы так рано пришли? – встречал у ворот тучный монах с улыбкой на лице. Он был одет в такой же желтый халат, но его воротник был немного косым, и живот сильно выпячивал.

Сюаньку сморщил брови, поклонился и сказал:

- Слава Будде! Сюаньсинь, братец-наставник, как можно быть таким ленивым?

Тучный монах Сюаньсинь уже давно знал характер Сюаньку и совсем не сердился на него:

- Эх, ты слишком беспокоишься о внешнем виде. Эти ученики будут выполнять разные поручения в нашем дворе?

Он не хотел расспрашивать об этом у Сюаньку, поэтому напрямую спросил у учеников, подобных Меинцу.

- Пусть это решит, братец Сюаньсинь, - серьезно ответил Сюаньку.

В это время молчаливый Сюаньцзан внезапно заговорил:

- Правдивый Ответ и Ясный Взгляд еще выполняют поручения во дворе?

- Да, они еще здесь, - озадаченно ответил толстый монах Сюаньсинь.

- Сюаньцзан, старший-братец наставник, с какой целью ты спрашиваешь про них? Неужели хочешь сделать их своими учениками?

Сюаньцзан покачал головой и вздохнул:

- Мое военное мастерство уже иссякло, нельзя давать ученикам ложные знания, как я могу осмелиться брать их себе в ученики? Братец-наставник Сюаньсинь, побеспокою тебя, позволь им вместе с Правдивым Ответом и Ясным Взглядом жить в одной комнате.

Он имел в виду Меинца и Настоящий Ум.

Сердце Меинца сильно билось. Сюаньцзан впервые вмешался в ход дела. Неужели, у монахов, Правдивого Ответа и Ясного Взгляда, было собственное жилье, и они могут помочь мне?

- Ха-ха, Сюаньцзан, братец-наставник, как твоя просьба может побеспокоить меня? Это ведь пустяк, к чему эта вежливость? – без возражений согласился Сюаньсинь.

Сюаньку повернул голову и посмотрел на Сюаньцзана. Он совсем ничего не сказал. Только со строгим лицом обратился к Меинцу, Настоящему Уму и остальным молодым монахам:

- Я распорядился отправить вас во «Двор разных поручений», потому что вы стоите под вопросом. Если же вы поработаете над своим разумом и характером, и я это замечу, то через некоторое время вы тоже сможете войти в боевой монастырь, во «Двор Бодхидхармы», а потом, может быть, и во «Двор совершенного прозрения».

- Но если вы будете продолжать лукавить и хитро выкручиваться, лениться и думать только об играх, останетесь такими же легкомысленными, не сможете переносить лишения, то я не стану ничего скрывать и доложу обо всем Залу Порядка, чтобы он вынес для вас наказания.

Он напрямую высказал свои мысли, чтобы показать, что у него не было эгоистических намерений. Когда он это говорил, лицо стоявшего рядом Сюаньсиня покраснело.

- Хорошо, дядюшка-наставник, Сюаньку, - ответили в один голос Меинц и другие монахи.

Они проводили взглядом Сюаньку, Сюаньцзана. После этого Сюаньсинь повертел нижней частью тела так, что весь его жир стал трястись:

- Наконец-то ушли, особенно этот неподкупный черт!

Этот монах...Меинц и глазом косо не взглянул на него. Вслед за этим трясущимся Сюаньсином он вошел в келью.

- Правдивый Ответ, Ясный Взгляд, это ваши младшие братцы-наставники – Истинный Порядок и Настоящий Ум, - указал Сюаньку прямо на Меинца и Настоящий Ум. Повернувшись, он повел остальных молодых монахов в другие кельи

Внутри кельи было одно спальное место, состоящее из соединенных между собой постелей. На нем могло поместиться семь или восемь человек. Ничего другого в кельи не было.

На спальном месте находились двое монахов. Один лежал, другой сидел. Всем им было около двадцати лет. У лежавшего монаха было безжизненное выражение лица, он не разговаривал и ни о чем не думал. У второго человека были хмурые брови. Тон речи был холодным, как лед:

- Все свои тюки с вещами кладите в инвентарь, если хотите попить воды, то идете во двор и зачерпните из чана.

- Не знаю, как называть старшего братца-наставника? – посмотрел Меинц на немногословный Настоящий Ум и решил сам познакомиться с «соседями по комнате».

Сидящий человек холодно ответил:

- Ясный Взгляд.

После ответа он больше ничего не говорил. Даже не повернул своей головы, чтобы посмотреть на Меинца и Настоящий Ум. Поэтому между ними не завязалось тем для разговора.

Правдивый Ответ, закрыв глаза, стал засыпать.

Что это за люди! Меинц тайне осуждал их. Но на его лице была улыбка. Он обратился к Настоящему Уму:

- Братец-наставник, Настоящий Ум, меня зовут Настоящий Порядок, но ты можешь называть меня просто братом-наставником!

- Хорошо, брат-наставник, - не стесняясь, ответил Настоящий Ум.

Все-таки этот глупый парень не такой уж плохой! Меинц вздохнул про себя. Затем он решил проявить себя в качестве старшего брата-наставника и помочь Настоящему Уму:

- Братец-наставник, эй, я буду называть тебя просто младшим братцем, подойди сюда, мы сменим одежду на монашескую рясу.

Не смотря на то, что в комнате находились люди, Меинц совсем не стеснялся переодеваться. Когда-то в университетское время он часто любил наслаждаться прохладой, не надевая на себя одежду в спальне общежития.

Монашеская ряса была легкой и простой. Ему было неловко рассматривать ее на себе.

Ткач, сшивший этот халат, был искусным мастером. Меинц совсем не знал толк в товарах, но высокое качество этой вещи он разглядел сразу. На его пояснице висела одна яшмовая подвеска, а на шее висела крохотная нефритовая подвеска в виде Будды. Она плотно прилегала к груди, была немного холодной, и из-за этого становилось не совсем комфортно.

Меинц повернул из стороны в сторону этого маленького Будду, и заметил, что его лицо было полным милосердия, он был словно живой. Гравировка была необыкновенной. Эта подвеска была мягкой и теплой на ощупь, но в то же время придавала чувство прохлады.

- Как говорил тот дядюшка с продолговатым лицом, эту нефритовую подвеску подарил какой-то неизвестный старый монах. Раз уж какой-нибудь богач не прибрал к своим рукам эту вещицу, значит, она самая обыкновенная и подходит для того, чтобы носить ее на теле, - Меинц взял подвеску и снова повесил ее себе на шею, а затем спрятал под одежду. После этого он собрал яшмовые подвески, одежду и сложил их на выделенное ему спальное место.

В это время постоянно спавший монах неожиданно повернулся и сел. Затем быстро обулся и вышел наружу. Меинц ошолбенел и не понял, что случилось.

- Время ужина, - холодно сказал Ясный Взгляд. Он встал с постели и направился прямо к выходу.

Что они за люди! Меинц снова раскритиковал их. Затем он повернулся к Настоящему Уму и сказал:

- Младший братец, время ужина!

- Хорошо, - маленький силуэт, словно заяц, убежал к выходу. Кажется, он был сильно голодным.

-....- Меинц сконфузился и подумал про себя «Неужели я здесь самый нормальный?»

Настоящий Ум внезапно остановился у порога, повернул голову и обратился к Меинцу:

- Брат-наставник, а ты не идешь?

Значит ты добросовестный, понял, что нужно меня подождать! Подумал про себя Меинц. Затем он полусуто ответил:

- Я еще не так голоден, как вы!

Посмотрите только на себя, словно голодные черти!

Настоящий Ум серьезно кивнул головой:

- Брат-наставник, тогда я пошел!

Он повернулся и побежал из-за всех сил.

Эй! Я же пошутил, не принимай всерьез...

Затем Меинц несколько раз прокричал во весь рот:

- Эй, младший братец, подожди меня!

Вдруг он замер от внезапного удара в сердце: почему у меня нет сестренки-наставницы? Есть только братец-наставник. Похоже, что в будущем у меня никогда ее не будет...

<http://tl.rulate.ru/book/15986/323091>